

— Но...

Ж-ж-ж, ж-ж-ж.

Телефон, лежавший на столе перед Дайки, снова завибрировал, и все с опаской посмотрели на него.

— Что замолчали, продолжайте.

С закрытыми глазами, опершись лбом на большой палец, Дайки приоткрыл глаза, услышав паузу, и поторопил Ицуки.

— Простите. Этот район раньше контролировала банда Соусукэ, придётся навести порядок перед покупкой.

— А юридически?

— Проблем нет...

Кадзума не успел договорить, как телефон опять завибрировал. Ж-ж-ж, ж-ж-ж.

— Тогда всё, назначь день и зачисти.

Когда телефон завибрировал в третий раз, Дайки уже не выдержал и бросил взгляд на Рена, который вёл протокол.

— Что там?

— Похоже, видеозвонок от господина Тома.

— Дай сюда.

Дайки собирался сбросить вызов, ведь шло совещание. Но палец сам нажал на кнопку «принять». На экране появился Тома с радостным лицом, нервно перебирающий волосы. Улыбка невольно стала расплываться и у самого Дайки.

— Папа, я сказал: «Папа, смотри».

— Нет, я же сказал это называется: «Пама» (т.е. «папа и мама»).

В кадре лица Мин Джуна не было, только голос слышался — он, видимо, снимал.

— Пама, смотри. Тома красивый?

— Да, но, Тома, сейчас же пер...

— Папа, мама тоже сделала! Сейчас покажу. Мама, иди сюда!

Тома дёрнул Мин Джуна за одежду, и телефонная камера поползла вверх. Мин Джун, застенчиво улыбаясь, вошёл в кадр. В тот миг Дайки словно ударили по затылку. Чем-то Мин Джун напоминал Тому. Только если Тома был как кукла с кучерявыми волосами, то у Мин Джуна естественные волны спадали до самой шеи — и это удивительно ему шло.

Если бы он молчал, то прямо в точку соответствовал вкусам Дайки. И если бы не был

мужчиной — возможно, он и правда оставил бы его рядом. Не то чтобы Дайки собирался любить кого-то, но если Тома так тянется и радуется — этого достаточно. Он мог бы позволить ему жить как своей женщине.

От этой мысли Дайки резко привстал, собираясь завершить звонок.

— Ну как? Идёт? Мы прямо как мама с сыном, правда? Может, ещё юбку надеть?

Говоря это и смущённо почесывая голову, Мин Джун наблюдал за Дайки, и его губы чуть искривились в сторону. На мгновение на лице Дайки появилась улыбка, но исчезла молниеносно. Люди в зале совещаний, словно не веря своим глазам, вздрогнули и поспешно отвели взгляды.

— Сейчас идёт совещание.

— Ой, правда? А я-то думал, вы каждый день только в офис приходите, чтобы ссориться. Ах, простите. Просто Тома так хотел показать папе свою завивку.

Не зная, отчего ему так стыдно, Мин Джун заправил волосы за ухо, а Тома, подражая ему, весело крутился, и они начали тереться друг о друга лицами. На это смотреть было не скучно, подумал Дайки. Обычно он бы сразу оборвал звонок, да и вовсе бы не ответил, но сегодня не смог этого сделать.

— Тома, папа сказал, что работает. Скажи ему: «Зарабатывай много денег», и давай закончим.

— Ага! Папа, зарабатывай мнооого-мнооого!

— Поцелуй надо!

— Мама тоже, мама тоже!

— Мне необязательно...

— Быстрее, быстрее!

Вдруг на весь экран вылезли их губы, и Дайки, сам того не заметив, поднял телефон ближе к лицу. Спohватившись, он поспешно нажал кнопку завершения звонка.

— Не хочу! Тома не будет спать!

— Почему, Тома? Если поспишь, вырастешь большим... как папа.

Мин Джун хотел сказать «как я», но вспомнил, что сам ниже среднего роста, и быстро исправился. Сегодня Тома капризничал, с глазами полными сна, но никак не засыпал. Дайки тоже ещё не вернулся, и Мин Джун вместе с Кэнтон не знали, что делать.

— Что с ним? Чтобы встать в шесть, нужно лечь сейчас.

— Раньше такого не бывало. Не знаю, почему он сегодня так.

Было уже почти девять. Мин Джун считал, что детям нужно спать по десять часов, поэтому, не зная, что делать с капризничающим Томой, поднял его на руки.

— Попробую укачать. Мама рассказывала, что в детстве я тоже не засыпал и ей приходилось носить меня на руках.

— Вам тяжело будет. Давайте я понесу.

Когда Кэнта протянул руки, Тома спрятал лицо в шею Мин Джуна и замотал головой. Мин Джун виновато улыбнулся и начал ходить по комнате.

— Тома, мама тебя качает. Если хочешь спать, закрывай глаза, ладно?

— Угу. Хорошо.

Мин Джун завернул его в маленькое одеяло, которое принёс Кэнта, чтобы ребёнок не соскользнул.

— Кэнта, вы тоже отдохните.

— Нет. Господин Дайки ещё не вернулся. Я останусь, пока вы оба не уснёте.

Мин Джун чувствовал себя неловко и всё же спросил:

— Необязательно... Но...

Его сжигало любопытство: почему Дайки так задерживается? Неужели где-то подрался? Или попал в разборку за власть, как в кино? Эти мысли не давали ему покоя.

— Хотели что-то сказать?

— Да нет... Просто... интересно, почему Дайки задерживается. Даже не мне, а Томе, наверное.

Смутившись, он подошёл к окну, укачивая сына. Он был уверен: Кэнта, не умеющий врать, скажет правду. Но услышал холодный голос:

— Мин Джун-сан, вам стоит думать только о Томе.

Мин Джун крепче прижал ребёнка. Его взгляд дрогнул. Он вдруг вспомнил то, что почти забыл: он здесь только в роли «мамы» Томы по договору, а эти люди — якудза. Просто он слишком привык к их домашнему теплу.

Губы задрожали, слёзы подступили. Чтобы не показать их, он продолжал укачивать мальчика. И тут в окно ударил свет фар — во двор въезжали машины. Наконец-то вернулся Дайки. Мин Джун с облегчением и одновременно с обидой в сердце хотел рассказать ему о своих чувствах. Но... дверь открыли для кого-то другого. Из машины вышла женщина с длинными волосами.

Кэнта резко шагнул вперёд и задернул шторы.

— Похоже, Тома заснул.

Мин Джун ошеломлённо смотрел на него. В его каменном лице пряталось смятение.

— Отойдите, пожалуйста.

— Не могу.

— Даже окно нельзя открыть?

— В этом доме нужно делать вид, что ничего не видел.

— Но я не якудза. Это ваше правило, а не моё. Как можно приводить женщину в дом, где есть Тома!..

Мин Джун, не выдержав, выбежал в коридор с ребёнком на руках. Через окно в конце коридора он увидел: Дайки и женщина вместе шли к отдельному флигелю. Его походку Мин Джун узнал бы издали. Словно стрелой в сердце, его пронзило это зрелище. Ревность сотрясала его тело.

«Ты дурак. Думаешь, раз Тома зовёт тебя „мамой“, то у тебя есть особое место рядом с Дайки? Смешно. Думаешь, что он целует тебя по утрам, потому что любит? Проснись. Он спокойно приводит женщину в дом, где есть Тома... где есть ты».

Слёзы покатались по щекам. Но вдруг Дайки остановился и поднял взгляд. Сквозь маленькое окошко его глаза встретились с глазами Мин Джунуна.

Оцепенев, Мин Джун отпрянул, побежал в комнату, осторожно уложил ребёнка и сам спрятался под одеялом, сдерживая рыдания.

Пока он лежал, Тома перевернулся, и вместо руки Мин Джун держал его маленькую ножку. Так он понял, что прошло немало времени. Но глаза всё ещё были мокры.

Он осознал: никакой он не «особенный» для Дайки. Поцелуи по утрам были только потому, что Тома их требовал. Глупец. Огромный глупец.

Половина души опустела. Мин Джун прижал спящего ребёнка к груди.

— Ма... ма... — пробормотал Тома во сне.

И Мин Джун снова разрыдался. В груди вспыхнула злость:

«Как ты посмел привести женщину в дом, где живёт твой сын! Дайки, ты ещё называешь себя отцом? Я... я не прощу тебя!»

Он надеялся уснуть, пока Дайки не вернулся. Но уже слышал его шаги в коридоре. Сердце колотилось так сильно, что Мин Джун свернулся калачиком под одеялом.

«Пройди мимо. Быстрее. Иди к себе».

Дверь открылась, и шаги, вошедшие в комнату, сразу направились к кровати. Мин Джун хотел, чтобы Дайки, увидев спящего Тому, скорее ушёл в свою комнату. Но остановившиеся шаги так и не двинулись дальше. Видимо, он смотрел на спящего мальчика.

«Подонки, не смей трогать нашего Тому руками, которыми лапал женщин. Немедленно убирайся.» Мин Джун ругал Дайки, дрожа от хлынувшей наружу, не вмещающейся в сердце ревности.

В тот миг вдруг одеяло резко откинулось, и чья-то рука вцепилась в его волосы. Мин Джун закричал. Его голову дёрнули вверх так, что голова почти коснулась лица Дайки. Тот свирепо смотрел на побелевшего от ужаса Мин Джунуна и медленно открыл рот:

— Почему ты плачешь?

Свежий мятный аромат обжѐг обоняние Мин Джунa. Волосы Дайки были мокрыми, будто он только что вышел из душа.

— Никто не плакал. Отпусти. Не трогай меня.

— Когда закончу.

— Не хочу, уйди.

Мин Джун отвѐл взгляд, но чёрные глаза Дайки настойчиво преследовали его. В этом взгляде, глубже морской бездны, Мин Джун боялся утонуть. Чтобы вырваться из хватки, он вцепился руками в его крепкое запястье.

— Отпусти... отпустите...

— Я сказал: когда закончу.

— Что за... дело у тебя... ммм!

Не успев договорить, Мин Джун ощутил, как губы Дайки накрыли его.

Первая мысль была: «Он меня пожирает».

Безжалостно вторгнувшись, Дайки оплѐл его язык и жадно засосал. Одной рукой он удерживал его маленькую голову, словно баскетбольный мяч, не давая вырваться. Его губы двигались так яростно, словно высасывали мозг через рот. Он сжал горло Мин Джунa и долго не прерывал поцелуй.

Мин Джун чувствовал, будто все его органы втягиваются в рот Дайки. Насладиться хоть каким-то удовольствием он не успевал — с того момента, как тот приблизился, сознание помутнело, будто он пережил десятки оргазмов подряд. Ему оставалось только тяжело хватать ртом воздух, сбивчиво дыша.

В комнате звучали лишь влажные звуки переплетѐнных языков. Наконец, яростный язык вышел изо рта Мин Джунa. Но ненадолго. Стоило ему сделать глубокий вдох, как Дайки снова проник внутрь, впиваясь зубами в его мягкую нижнюю губу до крови.

— Ай... больно...

— Я и хотел, чтобы было больно.

Низкий шѐпот Дайки обжѐг его, словно сильнейший афродизиак. Нижнее бельѐ Мин Джунa уже было мокрым от стоявшего колом члена. Он сходил с ума от страха, что это заметят, но его мысли путались, и он не мог сообразить ничего толком.

Почему он внезапно напал с таким поцелуем? Почему именно после того, как пришѐл от женщины? Мин Джун не мог этого понять. И уж точно он не мог простить. Откуда только взялась смелость — он оттолкнул лицо Дайки рукой.

— Не смей прикасаться ко мне! Подонок!

— Не смей приказывать мне в моѐм доме. Пока я тебе рот не разорвал. И не оскорбляй меня, Мин Джун. И наконец — что бы я ни делал в своѐм доме, это не твоѐ дело.

—То... Тома же твой сын...

Мин Джуна вдруг захлестнуло чувство обиды, и он больше не мог сдерживаться. Для Дайки поцелуй ничего не значил. Это было всего лишь предупреждение: в моём доме я делаю, что хочу.

Его лицо снова было поднято вверх. Когда он закусил губу, стараясь не расплакаться, боль от укуса, оставленного Дайки, стала ещё острее. В его низком голосе прозвучал шёпот, и губы снова приблизились.

— И что с того.

Облизав нижнюю губу, из которой сочилась кровь, Дайки начал второй поцелуй. На этот раз Мин Джун уже не смог оттолкнуть его и лишь крепко зажмурил глаза, принимая его.

— Ма-ма, мы ики мама кушать пойдём? — Тома, рассматривавший себя, словно ему было что-то непонятно, посмотрел на Мин Джуна.

— Конечно, так тоже нормально. Папа сказал, что синие вещи можно носить.

— Папа правда сказал, что всё синие носить можно?

— Точно сказал. Даже есть такие друзья.

— Правда?

Тома распахнул глаза и прижал кулачки к щекам. Он делал это «милое движение», которому Мин Джун научил его однажды, и теперь каждый раз при случае повторял, превращая сердце Мин Джуна в дрожащее желе.

— Ты такой милый. Подожди, мама покажет.

Мин Джун протянул руку за телефоном Кэнты, но, заметив его побледневшее лицо, отшатнулся на полшага.

— Кэнта, вы себя плохо чувствуете? У вас лицо совсем посинело.

— Нет, всё в порядке.

— Ну, хорошо тогда. Дайте телефон, пожалуйста.

Кэнта, будто прикосновение к Мин Джуну было смертельным, уронил телефон ему на ладонь, стараясь даже не задеть пальцами.

— Что это?

— Н-ничего.

Мин Джун бросил на него быстрый взгляд и что-то искал в телефоне. Потом показал экран Томе. Тот округлил рот от изумления.

— Правда? Похоже, да?

— Угу. Мама, это что?

— Смурф.

— Смурф?

— Ага. Сегодня утром мы превращаемся в смурфов. Понял? Тома — смурф.

— Угу!

Кэнта лишь молча следовал за ними, глядя на их синие тапочки, и думал: «Хотя бы белые были...» Вчера Дайки вошёл в комнату мертвенно-бледный, а утром уже с раздражением затеял своё. По губам Мин Джуна и так было понятно, что произошло ночью. И ясно было одно — тихого завтрака не выйдет.

Завтрак в 6:30 утра — прихоть Дайки, который хотел хоть раз в день есть с Томой. Но для Мин Джуна это было пыткой. Особенно после того, как вчерашний зверский поцелуй оставил его губы опухшими, словно на них красовалась вывеска: «Меня целовали до крови».

Горячий соевый суп коснулся ранки, и Мин Джун вздрогнул от боли.

— Ай, щиплет...

Тома сразу протянул маленькую ладошку и поманил его к себе.

— Тома «хо-о» сделает. Иди сюда, мама.

Оглядевшись на Дайки, мальчик дунул на губы Мин Джуна. Его забота тронула до глубины души.

«Этот ребёнок уже вынужден оглядываться на тебя... Разве это нормально? Ты ведь не отец, а тиран.»

Снова нахлынувший протест заставил Мин Джуна упрямо выдвинуть подбородок вперёд и бросить вызов взглядом Дайки. Их глаза встретились поверх газеты. Мин Джун не отвёл взгляд и демонстративно фыркнул, громко выдыхая носом.

— Мама, жук укусил? — Тома сжал глаза и рот, изображая укус.

— Угу. Очень большой жук.

— Больно?

— Очень-очень больно.

Тома нахмурился и сердито выкрикнул:

— Убить надо! Жука убить! Вот так!

И со всего размаху ударил ладошкой по столу. По спине Мин Джуна пробежал холодок, когда он почувствовал убийственный взгляд Дайки, и поспешил успокоить сына.

— Ладно, Тома, давай просто кушать.

— Хорошо.

Но сам он не мог есть, лишь ковырял салат.

— Эй. Ты ещё долго будешь так есть? — наконец не выдержал Дайки.

— Оставьте меня. Я всегда так ем. Завтрак — до обеда, обед — до ужина, а ужин — до утра. Такой у меня «медленный стиль».

На его нелепые слова Дайки даже не ответил, только прищурился и встал.

— Жук, значит.

Мин Джун хотел закричать: «Это всё из-за тебя!», но лишь нахмурился, поднял Тому с детского стульчика и сам тоже встал. Мальчик побежал к отцу.

— Папа, Тома сегодня смурф! Буду жить в грибной деревне. Мама тоже там. Папа, а ты смурф?

— Тома. Сначала папе поцелуйчик.

— Угу, чмок.

Получив поцелуй от сына, Дайки опустил его и подошёл к Мин Джуну. Сердце у того снова заколотилось так, что он испугался за своё здоровье. Дайки поймал его за подбородок, явно собираясь подарить «утренний поцелуй».

Но Мин Джун, решив больше не поддаваться, отвернул лицо. Пальцы Дайки сжались сильнее, и Мин Джун уже ожидал удара, но неожиданно тот отпустил его и отошёл.

«Молодец, Мин Джун. Ты можешь! Мужик, который бегает по бабам, не стоит твоих чувств!»

Он гладил голову Тома, пока тот махал рукой. Но вдруг Дайки резко обернулся и подошёл к нему. Схватив Мин Джуну, он прижал его к своей груди и впился в распухшие губы так, что рана снова открылась и пошла кровь.

— Ещё раз выйдешь одетый в «парочку» с Томой — три дня будешь без еды, — холодно произнёс он и ушёл со своими людьми.

Тома давно спал, но Мин Джун всё ещё ворочался.

— Что за чёрт... Ты же обычно засыпаешь сразу. Даже на поле боя уснёшь. Почему же сейчас? Спи же, ну...

Причина была одна — Дайки. В сущности, он сам виноват: увлёкся, накрутил себя, а тот-то здесь при чём? Для якудза женщины — дело обычное. Но почему тогда он пришёл к нему и... сделал это?

Мин Джун не мог понять.

Хуже всего было то, что несмотря на ярость, в тот вечер он кончил только от одного поцелуя. Даже вспомнить было невыносимо стыдно. Он рвал на себе волосы, вспоминая, как цеплялся за его одежду и стонал.

И вдруг резко вскочил.

— Нет, так нельзя. Я с ума сойду. Правильно, нужна выпивка! Соджу! Всего пару рюмок — и спать.

Мин Джуну было жаль оставлять Тому одного, но мысль о том, чтобы выпить хоть немного, пересилила. Он поцеловал пухлую щеку сына и вышел. Ему хотелось поскорее дойти до столовой, найти корейскую соджу, которую любил Хакүто, и выпить всего две рюмки.

На самом деле Мин Джун плохо переносил алкоголь. Но если не выпивать целую бутылку соджу, то всё было более-менее нормально. А вот если осилить всю — ... Тут Мин Джун решительно покачал головой.

Такого уж точно не случится, но если бы он напился, то превратился бы в настоящего эро-парня. Сам он потом ничего не помнил, но до того как окончательно вырубался, излучал такую магнетическую притягательность, что даже в Корее успел уложить в постель не одного человека. С тех пор он зарёкся выпивать больше двух рюмок соджу.

В столовой шеф-повар Синба проверял ингредиенты для завтрашних блюд. Когда Мин Джун вошёл на кухню, Синба вздрогнул и поспешно поклонился.

— Эм, можно мне рюмку соджу? Хакүто ведь пьёт только соджу.

— Конечно. Секундочку, присядьте.

Вскоре Синба принёс ту самую, всем знакомую корейскую соджу и маленькие рюмки.

Что за... с красной крышкой? Я же могу пить только "Fresh". Да и вообще, с какой стати эта здоровая жаба Хакүто должна быть связана с "Fresh"?

— Вам подойдёт эта? Я сейчас же приготовлю лёгкую закуску.

— Не надо. Я выпью всего две рюмки и вернусь наверх. Просто не спится.

Когда Мин Джун невзначай схватил его за запястье, Синба моментально покраснел и, низко опустив голову, бросился на кухню почти бегом.

Ну что за дела, почему у всех лица краснеют, стоит мне только прикоснуться? Боятся, что заразятся "гомо-бактерией"? Да не заразитесь вы, идиоты.

Раздосадованный Мин Джун налил себе полную рюмку и одним глотком осушил её. Жгучая жидкость оказалась на удивление сладкой. А Синба, сбежавший было на кухню, вернулся с подносом, доверху нагруженным снеками.

— П-пожалуйста, закусите хоть этим. Выпейте и просто оставьте, а завтра я всё уберу, — сказал Синба, на этот раз поклонившись по-якудзовски строго и вышел из столовой.

Мин Джун шёл по длинному коридору, который всё время словно изгибался, и на каждом шагу больно врезался в стену.

— Чёрт... дома ж надо на ровном месте строить, а не вот так криво. Опа, теперь ещё и в горку пошло. Дайки, гадина, денег куча, а дом в горах купил. До комнаты дойти — словно альпинизм.

Он держал почти пустую бутылку соджу и шёл вовсе не к комнате Томи, а к комнате Дайки, умудряясь шагать по абсолютно прямому коридору строго по диагонали.

— Вот ты где, мерзавец. Я всё думал, что мне остаётся только поддаваться, а оказывается — вовсе нет. Я сам могу сверху быть, понял? Жди меня, Дайки. Губы ещё болят после того, как ты их искусал.

Пьяный Мин Джун, с зарумяненным лицом и влажным от алкоголя взглядом, весь источал соблазн. На ходу он расстёгивал пуговицы пижамы. Его тонкая шея и грудь, освещённая лунным светом из окна, выглядели откровенно, а соски, словно уже кем-то основательно покусанные, набухли и затвердели. В таком состоянии Мин Джуну было достаточно лёгкого прикосновения, чтобы сорваться и застонать.

Он распахнул дверь без стука. В комнате горела лишь настольная лампа, и Дайки, прислонившись к изголовью кровати, читал книгу. Увидев стоящего в распахнутой пижаме, пошатывающегося Мин Джуну с бутылкой в руке, он не удивился — лишь перевёл взгляд на соджу.

— Возвращайся в свою комнату.

Мин Джун захлопнул дверь и ввалился внутрь.

— Эй!

— Я тебе не «эй». У меня есть прекрасное имя — Мин Джун! Тебе бы понравилось, если бы я всё время «эй» да «эй»? Короче, у меня сегодня к тебе дело.

Он кое-как двинулся к нему, но ударился пальцами о ножку дивана и с криком запрыгал, а потом рухнул на сиденье.

— Дайки, зачем дом построил в таком закоулке? Знаешь, сколько раз я ударился по дороге сюда? Ай, нога...

Он бросил бутылку и снова попытался подняться, но руки не держали, и он всё снова оседал. Дайки поднялся с кровати, но тут Мин Джун выкрикнул:

— Не двигайся! Я сам к тебе дойду. Только стой спокойно... Чёрт, зачем ты разделся? И на ноге эта татуировка... специально, да, людей с ума сводить? Мир несправедлив!

Пошатываясь, он добрался до кровати и буквально влез на неё, как на гору. Усевшись на Дайки верхом, он прищурился и ухмыльнулся, стянул верх пижамы и отбросил. Под лампой его гладкая грудь выглядела вызывающе.

— Я подумал, зачем ждать, когда ты меня прижмёшь... Я сам могу сесть сверху.

— Эй.

— Не «эй». Мин Джун!

На глазах выступили слёзы. Он закусил губу, сдвинул бёдра, будто нащупывая под простынёй его член.

— Прекрати. Ты пьяный, — холодно произнёс Дайки, но не оттолкнул. Он лишь схватил его за талию и шепнул низким, опасным голосом.

Мин Джун слизнул грудь Дайки и, вращая бёдрами, потерся о него.

— Подонок... сюда меня привёл, губы искусал... я ж не кусок мяса.

Он всхлипывал, уткнувшись лицом в его шею. Дайки тихо сказал:

— Хватит. От тебя несёт алкоголем.

— Молчи! Естественно, от меня пахнет — я ради тебя целую бутылку соджу осушил... и ещё с красной крышкой... Накажи потом Хакүто, это всё он...

— Ладно. Вставай, иди умойся. Ты собираешься вот так к Томе?

— Нет, я хочу с тобой! Чем больше думаю — тем обиднее... несправедливо это...

Он бил кулачками в грудь Дайки и ревел навзрыд.

— Ты и с Томой при этом продолжал, да? В тот день, я же знаю, ты женщину привёл! Подонок...

— Подбирай слова.

Дайки резко схватил его за лицо и приподнял.

— Больно! Отпусти, у меня что, голова — баскетбольный мяч, чтоб хватать?! Чёрт... урод. Нашего Тому я сам выраст...

Голос стихал, и Мин Джун, обессилив, рухнул на его грудь и заснул, так и не успев ничего «достичь», кроме своего великого плана — сесть сверху.

Дайки, глядя на уже сопящего Мин Джуна, тяжело пробормотал:

— Что ты за человек вообще?..

В детстве, когда Мин Джун видел зимой в деревянных ящиках замёрзшую рыбу, у него на глаза наворачивались слёзы.

Как же ей холодно... Спина у неё согнута, когда лёд растает, ей же будет больно...

И бывало, он накрывал свежешкупленную рыбу одеялом. А теперь сам чувствовал себя той рыбой, замёрзшей в ящике под ледяным ветром, с согнутой спиной. Тонкое покрывало было бесполезным против ледяного холода.

Это не одеяло из комнаты Томы... где же я?..

Он зашевелился под одеялом, держась за голову, готовую расколоться, и вдруг услышал голоса:

— Папа, мама умрёт?

— Нет, пока ещё нет. Но когда проснётся — может быть.

— Не хочу! Не хочу, чтоб мама умерла!

Мин Джун узнал голос Тома, но выйти и сказать: «Мама не умирает, вот она, та-да!» — не мог. Он понял, где находится.

Со взрывом в голове от похмелья он пытался судорожно придумать, как выкрутиться, но в итоге решил — лучше держаться нагло. Он вскочил, словно безумец, прокричал «Гуд морнинг!» и пулей скрылся в ванной. Ему стало жаль Тому, который стоял с круглыми глазами и махал рукой, но выбора не было.

Под горячим душем тепло никак не приходило. И неудивительно — все окна в комнате были распахнуты. Вероятно, Дайки сделал это, чтобы выветрить запах алкоголя.

Сначала Мин Джуну было стыдно, но постепенно внутри всё закипало. В лютый мороз он сам кутался в пуховик, а его оставил мёрзнуть под тонким одеялом, словно рыбу в морозилке.

В ярости он рвал на себе волосы под струёй душа, и в пальцах остались несколько выдранных прядей. От этого стало ещё больнее.

Единственным утешением было то, что он совершенно ничего не помнил о вчерашнем. Лишь смутно — будто всю ночь занимался альпинизмом во сне. Но почему он очутился в комнате Дайки, да ещё и почти голый — вот что мучило. Он молился, чтобы это оказалось просто пьяным бредом, клянусь всей своей 22-летней жизнью.

Закончив мыться, он понял, что не взял с собой чистую одежду.

Чёрт... Дайки наверняка где-то рядом. Почему он сегодня вообще на работу не пошёл?

Он осторожно приоткрыл дверь — в коридоре пусто. Мин Джун быстро проскочил в комнату с полотенцами, вытерся и обмотал вокруг бёдер самое большое.

— Ого, да у меня вся нога в синяках. Неужели этот гад Дайки меня всю ночь бил и пинал?.. Бесчеловечный ублюдок.

У Мин Джуна от природы было мало растительности на теле, так что единственным, чем он мог гордиться, была его гладкая кожа. Но сейчас она пестрила синяками и пятнами, да ещё и ныла от боли — зрелище то ещё. Лишь после того, как он издал такой длинный вздох, что, казалось, тот долетел аж до Чеджу, Мин Джун решил открыть дверь и выйти наружу.

— Ай! Простите меня, пожалуйста. Когда я пью, я ничего не помню... Вы сердитесь? Но я вовсе не хотел... не то чтобы у меня были какие-то грязные мысли... Просто так вышло. Честное слово, я ничего не помню...

Стоило ему выйти, как он увидел Дайки. Тот был не в костюме, а в лёгком кашемировом свитере и хлопчатобумажных брюках. Увидев его, Мин Джун тут же крепко зажмурился и начал извиняться без разбора. Но тишина в ответ заставила его приоткрыть один глаз и украдкой взглянуть. Дайки стоял с абсолютно непроницаемым лицом, держа в руках тяжёлый халат. Затем он бросил халат прямо в Мин Джуна, кивнул и вышел.

Что это ещё? Хочет, чтобы я это надел и пошёл за ним? Так бы и сказал... Чёрт, ну и сногсшибательный же он. Я уже решил отказаться, а он вот так внезапно берёт и тащит обратно...

Мин Джун снова зашёл в ванную, сбросил полотенце и натянул халат. То, что на нём не было нижнего белья, слегка тревожило, но Дайки же не станет поднимать полы халата и проверять,

так что он решил не думать об этом и вышел.

Войдя в комнату Тома, он увидел там Дайки. Это было естественно, ведь именно туда его позвали, но сердце Мин Джуна подпрыгнуло, как будто он оказался на батуте. Он даже прижал руку к груди, пытаясь удержать рвущиеся наружу удары сердца.

Тома заметил Мин Джуна и, держа в руках какую-то баночку с лекарством, подбежал к нему:

— Мама, почему ты спала с папой? Тома не любит это...

У Мин Джуна сердце рухнуло вниз. Что бы он там вчера ни натворил, выходит, он бросил Тому и залез в постель к Дайки. Мин Джун крепко обнял мальчика, глядя его по маленькой голове.

— Нет, нет, Тома. Я тебя больше всего на свете люблю. Просто вчера... ну...

— Это папа сказал, что хочет спать с мамой, — неожиданно вмешался Дайки, будто оправдывая его.

Тома тут же просиял, снова запрыгал по ковру и радостно засмеялся.

— А, вот как! Тогда мама спала с папой. Но мама всё равно любит Тому, правда?

— К-конечно... очень люблю.

Увидев, как Тома снова стал весёлым, Мин Джун едва сдержал слёзы. В этот момент Дайки внезапно схватил его за руку и усадил на кровать, а сам опустился на одно колено перед ним.

Мин Джун, испугавшись, вцепился в полы халата:

— Ч-что вы делаете? Сейчас ведь утро!

— Тише. Ты ещё смеешь возмущаться. Руки убери.

Даже когда Дайки говорил жёсткие слова, голос его оставался низким и спокойным, отчего он звучал ещё более пугающе. Мин Джун замер, сложив руки на коленях. Дайки раздвинул халат ровно настолько, чтобы открыть синяки на бедре, и взял у Тома баночку с мазью. Затем он начал аккуратно мазать рану.

Такого Мин Джун никак не ожидал, и от неожиданности его даже накрыла лёгкая паника.

— Я сам... могу...

— Неплохо выглядишь. И запомни: наш дом стоит на ровной земле. Здесь нет ни неровностей, ни склона. Понял?

— Д-да... конечно.

Мин Джун не понимал, что тот имеет в виду, но поспешно кивнул. Холодное прикосновение мази вдоль синяков ощущалось так сильно, что пробирало до самых нервных окончаний. Мин Джун сжал зубы, закрыл глаза, и пытался думать о чём угодно, лишь бы не чувствовать этого. Но когда Дайки коснулся внутренней стороны бедра, из него вырвался странный стон, и он невольно отодвинулся.

Дайки нахмурился и посмотрел на него. Мин Джун замотал головой:

— Н-нет, просто больно, я не хотел...

— Не шути со мной.

Да это вовсе не шутка... Просто это моя эрогенная зона, и я ничего не могу поделать!

Мин Джун метался глазами, и тут в дверь постучали. Вошёл Кэнта. В тот же миг Дайки резко запахнул халат, скрыв его бедро.

— Босс... Простите.

— Всё готово?

— Да.

— Забери Тому и отведи в столовую.

— Понял.

Тома без сопротивления прыгнул к Кэнте на руки, весело помахал:

— Мама, встретимся в столовой!

Нет, Тома, не оставляй меня с папой наедине! — хотелось закричать Мин Джуну, но он лишь улыбнулся и помахал в ответ.

Когда они остались вдвоём, прикосновения Дайки вдруг показались ему ещё мягче. Хотя он прекрасно понимал, что тот наверняка сердится. Мин Джун не знал, что именно он натворил вчера, но точно помнил: он ругался и, будучи голым, сам набросился на Дайки. Пусть и безуспешно, но всё же.

Неловкая тишина стала невыносимой, и Мин Джун хотел что-то сказать, но Дайки задал вопрос, от которого у него перехватило дыхание:

— Ты... ты меня любишь?

Он поднялся и пристально посмотрел ему в глаза. Под этим взглядом Мин Джун только беззвучно открывал рот, не в силах произнести ни слова. Боль в груди заставила его отвернуться, но Дайки тут же схватил его за подбородок и заставил смотреть прямо на себя.

— Не заставляй меня повторять. Я спросил, любишь ли ты меня.

Обычно он был упрям, но сегодня это упрямство стало особенно давящим.

— Э... я... я не могу сказать... — выдавил Мин Джун.

Он не мог признаться. Он боялся услышать в ответ холодное: «Даже если ты меня любишь, мне это безразлично. Забудь».

Но вместо этого он услышал неожиданное:

— Вот как? Тогда подумай хорошенько. Я ещё раз спрошу тебя. А пока переоденься и спустись в столовую.

Дайки вышел, а голова Мин Джуна медленно склонилась набок. Мысли метались, и он не мог поднять голову от тяжести. Он совершенно не понимал, что именно значили последние слова Дайки.

В столовой Мин Джун сидел за пустым столом, испуганно оглядываясь. Обычно, если не подавали роскошный обед с девятью блюдами, то хотя бы несколько закусок и основное блюдо должны были быть на столе. Но кроме порции, приготовленной специально для Тома, стол перед Мин Джуном был абсолютно пуст.

Сегодня ему особенно хотелось горячего супа. Пусть и не надеялся на похмельный суп с проростками, как в Корее, но хотя бы мисо-суп он ожидал. Его взгляд непроизвольно устремился к тарелке Тома.

Мальчик ел суп детской ложкой и, заметив взгляд Мин Джуна, широко улыбнулся. Потом поднял свою мисочку и протянул ему:

— Мама, хочешь? Вкусно!

— Правда вкусно?

— Да! Очень вкусно!

— Тогда, может, сделаю один глоток.

Мин Джун, наблюдая за взглядом Дайки, который отставил кофейную чашку, протянул руку к суповой миске, которую ему протянул Тома.

— Мин Джун.

— Да?

— К еде Тома не прикасайся. Тебе нужно похмелиться. Принеси.

— Похмелиться?

Услышав столь приятное для себя слово, Мин Джун расплылся в улыбке и огляделся вокруг. Но все сидевшие рядом выглядели странно напряжёнными, и это начало его раздражать. Однако, предвкушая острый похмельный суп, он нарочно постарался не обращать внимания.

В этот момент Синба вошёл с подносом. Мин Джун ожидал услышать запах освежающего бульона, но, увидев, что именно принёс Синба, только склонил голову набок. Поднос он поставил не перед Мин Джуном, а перед Дайки.

Тот обхватил принесённую бутылку соджу так аккуратно, словно держал в руках пистолет, и показал Мин Джуну крышку.

— Это тот самый «фреш», который ты хотел.

Соблазнительным голосом произнёс он и, издав хрустящий звук, сорвал зелёную крышку. Затем налил прозрачную жидкость до краёв большой стеклянной кружки.

— В Корее, говорят, есть такая поговорка: похмелье снимают похмельным алкоголем. Так что я всё подготовил для тебя. Это от чистого сердца. Ведь именно я вынес на себе все твои пьяные выкрутасы.

Дайки приподнял бровь и в упор посмотрел на Мин Джуна. Лицо его было настолько надменным, что бесило до дрожи, и в то же время до безумия сексуальным, что сердце Мин Джуна снова будто бы кто-то ударил мягкой дубинкой.

Поднос с соджу был торжественно передан Мин Джуну. На аккуратно вырезанном деревянном подносе стояла кружка соджу и тарелка с креветочными снеками.

Запах алкоголя ударил в нос, и Мин Джуна тут же подступила тошнота, он прикрыл рот рукой. В это время Тома, усердно уплетающий свою еду, заметил снеки, сглотнул слюну. Мин Джун, несмотря на то, что его самого мучило, уступил креветочные палочки мальчику.

— Печенье! — радостно воскликнул Тома и, закинув снеки в рот, распахнул глаза, округлив их до размеров монеты в пятьсот вон. Видимо, вкус ему понравился. Мин Джун с трудом выдавил улыбку и перевёл взгляд на Дайки.

— Эм... я просто... сейчас не в лучшем состоянии...

— Почему? Это же тот самый соджу с зелёной крышкой, который ты хотел. Ты ведь говорил, что пьёшь только «фреш».

— Угх. Пожалуйста, не произносите это слово...

— А как ещё называть соджу, если не соджу?

«Паршивец, да он нарочно издевается. Ни капли заботы, скотина».

Мин Джун, прикрыв рот, зло уставился на Дайки. Но тот лишь спокойно улыбался и лениво подталкивал его одним движением пальцев.

— Может, хотя бы на этот раз простите меня?

— Даже не знаю. Ночью мне было нелегко. По многим причинам. Из-за кое-кого, кто напился...

— Ладно! Я выпью!

Мин Джун тут же украдкой посмотрел на Тому. К счастью, мальчик был полностью поглощён закуской и, похоже, ни о чём не догадывался. Мин Джун, не желая, чтобы его вчерашний позор стал достоянием окружающих, изо всех сил поднял кружку.

На самом деле он надеялся на снисхождение Дайки — думал, что стоит только сделать вид, и тот остановит его. Но даже когда он поднёс стакан к губам, затаив дыхание, Дайки не вмешался. Наоборот, подбадривал жестами: мол, пей.

Охваченный упрямством, Мин Джун задрал подбородок и сделал глоток. В тот же миг желудочный сок рванул вверх, и неприятное ощущение обожгло пищевод.

Он едва не бросил стакан на стол и почти на четвереньках кинулся в туалет. Сзади раздался встревоженный голос Тома, зовущий «мама», но Мин Джун уже не мог даже рукой махнуть. Добравшись до унитаза, он склонился над ним и вырвал крохотную каплю алкоголя, попавшую в пустой желудок.

— Уэээк!

Безобразные звуки разнеслись по коридору. Тома расплакался, и Кэнта поспешил поднять его

на руки. Мальчик, роняя изо рта креветочные палочки, только и спрашивал: «Мама умер?»

Хакуто, несмотря на суровый вид, оказался слаб на желудок: бешено расцарапывал себе бедро, едва удерживаясь, чтобы не вырвать.

Когда Дайки поднялся со своего места, Рен тут же хотел пойти за ним. Но не из беспокойства за Мин Джуна — скорее, это было инстинктивное движение врача. Однако Дайки его остановил.

— Оставь.

Подойдя к коридору, он услышал, как Мин Джун, захлёбываясь рвотой, бормотал:

— Бессердечный ублюдок. Ну что за пьянка, чтоб так издеваться. Чёрт... Я ведь мамочка Томы, разве со мной можно так обращаться? «Похмельный алкоголь», говоришь? Чёртова гадость. Я, между прочим, похмельем не лечусь! Чёртов ублюдок, да что за ад я прохожу...

Мин Джун, до конца вылив душу отборной корейской бранью, вдруг заметил перед собой фигуру, больше похожую на демона, чем на человека. Дайки нависал прямо над ним, и он едва не свалился лицом в унитаз.

— Э-э... Что вы здесь делаете?

— Раз уж вырвало — поднимайся.

— А похмельный алкоголь...?

— Если ещё раз в моём доме устроишь пьяный дебош, вместо похмельного напитка посажу тебя в бочку с алкоголем. Понял?

Дайки рывком поднял Мин Джуна за руку. От неожиданности тот почувствовал, как тело поднимается в воздух, и снова подступила тошнота. Он зажал рот ладонью и вцепился в одежду Дайки.

— Ууугх.

— Ты что творишь? Если здесь вырвешь... умрёшь.

<http://bllate.org/book/12398/1105529>